

Две реальности

ВАРСИК

Варсик .

Две реальности

<https://litres.ru/74476529>

SelfPub; 2026

Аннотация

Я — холодная логика в стеклянной башне днем и беременная беглянка ночью.

Чтобы спасти детей от мужа, который хочет нас уничтожить, я собственными руками сорвала с себя женское лицо и спряталась конюхом в собственном доме.

Теперь я задыхаюсь от запаха его кожи и паники: он плачет на плече мальчишки-слуги, не зная, что изливает душу той, кого мечтает убить одним словом, если правда вскроется.

Содержание

Глава 1. Новогоднее чудо	4
Глава 2. Две реальности	8
Глава 3. Безвыходное положение	13
Глава 4. Исчезновение настоящего	16
Глава 5. Опасный план	20
Глава 6. Под маской	24
Глава 7. Тайные чувства	28
Глава 8. Беременность под угрозой	32
Глава 9. Новая усадьба	37
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Две реальности

Глава 1. Новогоднее чудо

За окном кружился снег, укутывая город в пушистое, белоснежное одеяло. В воздухе витал тот самый, ни с чем не сравнимый аромат Нового года — смесь хвои, мандаринов и ожидания чуда. Я стояла у панорамного окна своей квартиры, наблюдая, как огни мегаполиса отражаются в мокром асфальте, и невольно улыбалась. В этом году я решила не уезжать на праздники, а остаться дома, в тишине и уюте, чтобы наконец-то выдохнуть после бесконечной череды судебных процессов и сложных переговоров.

Я никогда не была суеверной. Успешная карьера юриста научила меня опираться только на факты, договоры и статьи закона. Все эти разговоры о том, что под Новый год сбываются мечты, казались мне милой сказкой для тех, кому нечем заняться. Но сейчас, глядя на гирлянды, мерцающие на соседней высотке, я поймала себя на странном чувстве. Внутриросло необъяснимое желание поверить в волшебство. Хоть на один вечер стать героиней той самой сказки, где всё заканчивается хорошо.

Я отвернулась от окна и прошлась по просторной гостиной. На столе стояла одинокая бутылка шампанского и тарелка с сыром. Никаких гостей, никаких шумных компаний.

Только я и мои мысли. Я включила тихую музыку, наполнила бокал и села в кресло, поджав под себя ноги. «Пусть хоть что-то изменится», — прошептала я в пустоту комнаты, сама не понимая, о чём прошу.

Усталость взяла своё. Глаза начали слипаться, а тепло от камина убаюкивало. Я не стала сопротивляться. Поставив бокал на столик, я накинула на плечи плед и закрыла глаза. Сон пришёл мгновенно — глубокий, вязкий, без сновидений.

А потом наступило пробуждение.

Но это было не моё пробуждение.

Первое, что я почувствовала — это запах. Не аромат дорогого парфюма и свежесваренного кофе, а запах влажной земли, дыма из печи и чего-то пряного, варящегося на кухне. Воздух был тяжёлым и тёплым. Я открыла глаза и увидела над собой не белый потолок своей квартиры, а тёмные деревянные балки.

Сердце пропустило удар. Я резко села на кровати. Комната была чужой: массивная мебель из тёмного дерева, тяжёлые портьеры на окнах, льняное бельё грубого плетения. В углу стояла деревянная колыбель, а рядом с ней — сундук с игрушками.

— Госпожа Ангелина? — раздался тихий голос от двери.

Я обернулась и увидела молодую служанку, которая смотрела на меня с тревогой. Её взгляд был полон сочувствия и страха одновременно.

— Вы снова кричали во сне, — добавила она, опуская глаза.

Я сглотнула ком в горле. Имя «Ангелина» прозвучало как удар грома. Я знала это имя. Я чувствовала его своим.

— Всё в порядке... — мой голос был хриплым и чужим.
— Просто дурной сон.

Служанка кивнула и вышла, тихо прикрыв за собой дверь. Я осталась одна в этой незнакомой комнате, но с пугающей ясностью осознавала: я больше не я. Я — Ангелина. И это не сон.

В памяти начали всплывать обрывки чужой жизни. Муж по имени Альберт, который смотрит на меня с холодным презрением. Двое детей — Марк и Марина, шести лет от роду, которые боятся меня и называют мамой только по привычке. Мир, где женщина — лишь тень мужчины, где её слово ничего не значит, а её судьба полностью зависит от воли мужа или отца.

Я подошла к небольшому зеркалу на стене. На меня смотрела незнакомка: бледная девушка с огромными испуганными глазами и тёмными волосами, заплетёнными в простую косу. Я коснулась рукой своего лица — оно было чужим, но ощущения были реальными.

— Это невозможно... — прошептала я своему отражению.
Но отражение не спорило. Оно лишь смотрело на меня с той же растерянностью и страхом. Я поняла главное: новогоднее чудо свершилось. Но оно оказалось совсем не та-

ким, как я себе представляла. Это было не исполнение мечты, а начало какой-то странной, пугающей игры между двумя жизнями — моей и чужой. И теперь мне предстояло понять правила этой игры прежде, чем она поглотит меня целиком.

Глава 2. Две реальности

Первые минуты я просто стояла, вцепившись пальцами в грубую ткань платья, и смотрела на своё отражение. Сердце колотилось где-то в горле, а мысли путались, словно клубок ниток, который дёрнула кошка. Я ущипнула себя за руку — боль была настоящей, острой. Это не сон. Не галлюцинация. Я действительно здесь.

Дверь снова скрипнула, и в комнату заглянула всё та же служанка. На этот раз её взгляд был более решительным.

— Госпожа, господин Альберт велел передать, что ждёт вас к завтраку. Он сказал... — девушка запнулась, подбирая слова, — ...что это последний раз, когда вы видите перед его отъездом в город по делам.

Слово «отъезд» резануло слух. В моей голове тут же всплыли обрывки памяти Ангелины: муж часто уезжал, оставляя её одну в огромном доме, полном слуг, но совершенно пустой для неё. Я кивнула, стараясь выглядеть спокойной, хотя внутри всё дрожало.

— Скажи, что я сейчас спущусь.

Служанка ушла, а я начала лихорадочно осматривать комнату. Нужно было понять правила этого мира. Я подошла к сундуку у окна и открыла крышку. Внутри лежали простые платья из домотканого полотна, платки, ленты — ничего похожего на мой гардероб из шёлка и кашемира. Я выбрала са-

мое скромное платье тёмно-синего цвета и быстро переоделась. Руки не слушались, пальцы путались в шнуровке корсажа.

Спускаясь по широкой деревянной лестнице, я чувствовала себя актрисой на премьере спектакля, текст которого она забыла. Дом был большим, но мрачным: стены из дикого камня, минимум света, тяжёлая мебель. В воздухе висел запах воска и сушёных трав.

В столовой уже сидел Альберт. Он был одет для дороги: тёмный камзол, высокие сапоги. При моём появлении он даже не поднял головы, продолжая изучать какие-то бумаги.

— Садись, Ангелина. У меня мало времени.

Я опустилась на стул напротив него. Теперь я могла рассмотреть его лучше. Красивый мужчина с жёсткими чертами лица и холодными серыми глазами. В его взгляде не было ни капли тепла — только усталость и едва заметное раздражение.

— Я уезжаю на две недели, — наконец произнёс он, отложив перо. — Дети останутся здесь. Я уже договорился с наставником для Марка и няней для Марины.

— А я? — вырвалось у меня прежде, чем я успела подумать.

Он поднял на меня тяжёлый взгляд.

— А ты будешь вести себя достойно и не позорить моё имя в моё отсутствие. Я не желаю слышать жалоб от слуг или наставника. Ты поняла?

Я сглотнула. В памяти Ангелины этот тон был знаком — он означал конец терпения.

— Поняла.

Он встал, давая понять, что разговор окончен. Уже у двери он остановился и бросил через плечо:

— И да. Я не передумал насчёт развода. По возвращении я подам прошение.

Дверь за ним закрылась с глухим стуком, который эхом отозвался в моей душе. Развод? В этом мире? Я знала из обрывков памяти и общей истории, что развод для женщины здесь — это не просто разрыв отношений. Это крах всего. Позор. Одиночество.

Я осталась одна в пустой столовой. На столе остывала каша, к которой я не притронулась.

Внезапно тишину разорвал детский смех и топот маленьких ног по коридору. Дверь распахнулась, и в столовую вбежали двое детей — мальчик и девочка с такими же тёмными волосами, как у Альберта.

— Мама! Мама! Смотри! — закричала девочка, протягивая мне деревянный гребень с облупившейся краской.

Я замерла. Они смотрели на меня с ожиданием и детской непосредственностью, но в их глазах не было той теплоты, которую я привыкла видеть у детей в своём мире. Это был взгляд вежливости к человеку, который по статусу должен быть «мамой».

Марк, мальчик лет шести, держался чуть позади сестры,

настороженно изучая меня.

— Мы пойдём гулять? — спросила Марина.

Я растерялась на секунду, но память Ангелины подсказала ответ:

— Конечно, пойдём. Только сначала нужно позавтракать.

Пока дети ели (они ели жадно и шумно), я наблюдала за ними и чувствовала странное щемящее чувство в груди. Это были не мои дети по крови или воспитанию из моей реальности, но сейчас они были *моими*. И мысль о том, что Альберт хочет их забрать себе после развода, вызывала панику.

День пролетел незаметно в заботах о детях и попытках освоиться в доме. Вечером я уложила их спать и вернулась в свою комнату. Усталость навалилась бетонной плитой.

Я упала на кровать прямо в платье и закрыла глаза, мечтая только об одном — проснуться дома.

И я проснулась.

Резко сев на своей кровати в пентхаусе, я судорожно вдохнула прохладный воздух мегаполиса. За окном всё так же светились огни города, часы показывали три часа ночи.

Я была дома.

Руки дрожали так сильно, что я не могла удержать стакан с водой. Это было реальностью? Или это был самый реалистичный сон в моей жизни?

Я посмотрела на свои руки — ухоженные ногти, кольцо-печатка с гербом юридической фирмы на пальце.

Но перед глазами всё ещё стоял образ Альберта и испу-

ганные глаза детей.

Две жизни столкнулись в одной точке пространства-времени под Новый год. И теперь я знала точно: это не конец истории. Это только её начало.

Глава 3. Безвыходное положение

Следующие несколько дней превратились в мучительный маятник. Днём я жила своей привычной жизнью: встречи в офисе, подписание контрактов, звонки партнёрам. Я пыталась сосредоточиться на работе, вникать в детали сделок, но мыслями постоянно возвращалась туда — в каменный дом, к детям и холодному взгляду Альберта. Каждый раз, закрывая глаза в своей современной спальне, я боялась, что не вернусь обратно.

Но страх не оправдался. Ночь за ночью я снова оказывалась в теле Ангелины. Реальность античного мира становилась всё более осязаемой, а моя собственная жизнь — всё более призрачной, словно старый фильм, который смотришь краем глаза.

В этом чужом мире дни тянулись медленно и вязко. Альберт уехал, как и обещал, оставив после себя гнетущую тишину и строгие инструкции слугам. Я всё больше времени проводила с детьми. Марк, старший, был замкнутым и молчаливым, предпочитая рисовать палкой на песке или мастерить что-то из деревяшек. Марина же была его полной противоположностью — живая, любопытная, она постоянно требовала внимания и историй. И чем больше я узнавала их, тем сильнее болело сердце. Они были чужими, но я чувствовала к ним такую нежность, словно носила их под сердцем.

всю жизнь.

Однажды утром я проснулась с жуткой тошнотой. Комната плыла перед глазами, а запах жареного мяса, доносившийся с кухни, вызывал отвращение. Я едва успела добежать до умывальника.

Служанка, помогавшая мне привести себя в порядок, лишь сочувственно покачала головой.

— Госпожа, это бывает на ранних сроках. Ребёночек-то крепкий будет.

Слово «ребёночек» прозвучало как приговор. Я замерла, боясь пошевелиться. Беременна? От Альберта? В голове зашумело.

Память Ангелины услужливо подкинула факты, от которых кровь застыла в жилах. В этом мире женщина без мужа — ничто. Вдова или разведённая с ребёнком на руках автоматически становилась изгоем. У неё отбирали всё имущество, а часто и детей. Она не могла работать, не могла владеть землёй. Её ждала либо нищета на улице, либо монастырь, что было равносильно пожизненному заключению.

А если учесть, что Альберт хочет от меня избавиться... Ребёнок становился не благословением, а смертельной угрозой.

— Нет-нет-нет... — прошептала я, опускаясь на край кровати и обхватывая голову руками.

Я посмотрела на свой пока ещё плоский живот. Новая жизнь внутри меня. Но эта жизнь могла стоить мне всего.

Если Альберт узнает о беременности до того, как оформит развод (или что тут у них вместо него), он может просто запереть меня в четырёх стенах до родов, а потом объявить ребёнка незаконнорождённым или вовсе избавиться от нас обоих. В его холодных глазах я не видела жалости.

Паника накрыла меня с головой. Я металась по комнате, не зная, что делать. Сбежать? Но куда? У меня нет денег, нет документов (здесь это пергаменты и печати), нет союзников. Я даже верхом ездить толком не умею! Да и дети... бросить их я не могла. Мысль о том, чтобы оставить Марка и Марину одних с этим человеком, была невыносима.

Я подошла к окну и прижалась лбом к холодному стеклу. Снег за окном перестал идти, оставив после себя девственно-белый покров. Мир казался таким спокойным и безмятежным снаружи и таким жестоким внутри.

«Что мне делать?» — мысленно взмолилась я в пустоту.

Ответа не было. Лишь тишина и биение двух сердец — моего и того, маленького, что только начинало свой путь в этом жестоком мире.

В тот вечер я впервые по-настоящему осознала: моя сказка обернулась кошмаром. Чудо оказалось проклятием. И теперь мне предстояло найти способ выжить в мире, где у женщины нет прав, муж желает ей смерти (пусть и завуалированной), а собственное тело предаёт меня, вынашивая новую жизнь в самый неподходящий момент.

Глава 4. Исчезновение настоящего

С каждым днём граница между двумя моими жизнями становилась всё тоньше, словно тающий лёд по весне. Я начала бояться засыпать в своей современной квартире. Ложась в свою удобную кровать с ортопедическим матрасом, я чувствовала не предвкушение отдыха, а липкий, холодный страх. Страх, что однажды я просто не вернусь.

Это было похоже на медленное погружение в зыбучие пески. Днём я механически выполняла свою работу. Подписывала документы, не вникая в суть, отвечала на звонки, не слыша собеседника. Мой мир сузился до одной точки — момента, когда голова коснётся подушки. Я жила не настоящим, а ожиданием ночи.

В мире Ангелины время текло иначе. Там дни были наполнены смыслом: смехом детей, запахом свежееиспечённого хлеба из кухни, скрипом половиц под ногами. Я училась жить заново: носить тяжёлые платья, управлять слугами шёпотом и взглядом, понимать язык жестов и недомолвок. Этот мир был суров и несправедлив, но он был *живым*. В нём я чувствовала себя нужной. Я была матерью.

Моя беременность перестала быть тайной для меня самой, хотя внешне это было ещё незаметно. Я инстинктивно прикрывала живот рукой, когда кто-то входил в комнату. Я стала есть странные сочетания продуктов и спать днём, находя

укромные уголки в саду, чтобы отдохнуть от шума детских игр. Слуги перешёптывались, но молчали — беременность госпожи была делом обычным.

Однажды вечером, вернувшись в свою квартиру после изнурительного дня в суде, я поняла, что достигла точки невозврата. Я стояла посреди гостиной с панорамным окном и смотрела на огни города. Они казались мне холодными и чужими, как звёзды на другой планете. Я не могла вспомнить вкус своего любимого кофе. Не могла вспомнить лицо своей подруги, с которой мы не виделись месяц. Моя жизнь здесь превратилась в чёрно-белую киноленту с плохим звуком.

Я легла спать с тяжёлым сердцем.

И проснулась в мире Ангелины.

Прошла неделя. Затем другая. Возвращения становились всё короче и реже. Иногда я просыпалась в своей кровати всего на пару часов, чтобы выпить воды и снова провалиться в сон, который уносил меня обратно в прошлое. Моё тело будто выбирало ту реальность, где ему было комфортнее.

В один из таких коротких визитов я поняла страшную вещь: я больше не хочу возвращаться. Моя квартира казалась мне клеткой из стекла и бетона. Мой успех, карьера, статус — всё это стало пылью. Настоящим был запах мокрой земли после дождя в саду усадьбы, тепло детских ладошек в моей руке и ощущение жизни внутри меня.

Но страх не отпускал. Что будет, если связь разорвётся окончательно? Что, если моё сознание навсегда застрянет в

теле Ангелины? Смогу ли я выжить там одна? А если связь разорвётся здесь? Моё тело в XXI веке найдут в пустой квартире через несколько дней... От этой мысли меня бросило в холодный пот.

Я оказалась в ловушке между двумя мирами, и стены этой ловушки неумолимо сдвигались. Одна реальность вытесняла другую.

В ту ночь я уснула в своей квартире с твёрдым намерением бороться за возвращение. Я считала овец, вспоминала статьи законов, пыталась вызвать в памяти шум метро... Но сон был сильнее.

Я проснулась от того, что Марина трясла меня за плечо.
— Мама! Мама! Марк упал! Он плачет!

Я резко села на кровати. Сердце колотилось как бешеное. Я посмотрела на свои руки — руки Ангелины. На пальцах не было ни одного кольца из моей современной жизни.

Я бросилась к сыну, обняла его, успокаивая. Он ушиб коленку, но это было неважно.

В тот момент я поняла окончательно: я проигрываю эту битву. Настоящее время отпускало меня, отпускало с лёгкостью человека, сбрасывающего ненужный балласт. И впервые за всё это время я почувствовала не страх, а горькое облегчение.

Может быть, так и должно быть? Может быть, моя прошлая жизнь была лишь подготовкой к этой?

Я уложила детей и долго смотрела на огонь в камине. Пла-

мя плясало, отбрасывая причудливые тени на стены комнаты. Я больше не знала, кто я — успешный юрист XXI века или несчастная женщина из античности по имени Ангелина.

Я знала только одно: завтра я снова проснусь здесь. И послезавтра тоже. И это уже не пугало меня так сильно, как раньше.

Настоящее исчезало, уступая место прошлому навсегда.

Глава 5. Опасный план

Тишина в усадьбе стала невыносимой. Не та уютная тишина, что бывает в доме, где все спят, а гнетущая, звенящая пустота, наполненная лишь треском поленьев в камине и моим собственным дыханием. Альберт не возвращался. Его отсутствие, которое поначалу казалось благословением, теперь ощущалось как затишье перед бурей. Я знала: он не из тех, кто бросает слова на ветер. Развод — это не просто желание, это действие. И я была уверена, что он готовит нечто ужасное.

Мои худшие опасения подтвердились однажды утром. Управляющий, мужчина с вечно бегающими глазками, которого я терпеть не могла, принёс мне свиток с печатью. Дрожащими руками я развернула пергамент. Это было распоряжение мужа. Он нашёл мне «подходящий вариант». Меня отправляли в монастырь.

Слово «монастырь» в этом мире звучало как приговор. Это была не обитель для духовного поиска, а комфортабельная тюрьма для надоевших жён и вдов. Оттуда не возвращались. Там я буду отрезана от всего мира, от детей, и никто никогда не узнает правды о том, что случилось с Ангелиной. А главное — там я буду совершенно беззащитна перед волей мужа.

Паника ледяной волной окатила меня с ног до головы.

Нужно было действовать немедленно. Бежать? Но куда? Без денег, без мужской защиты, с растущим животом я стану лёгкой добычей для первого же проходимца на дороге. Спрятаться в усадьбе? Альберт найдёт меня, как только вернётся.

Решение пришло внезапно, дикое и отчаянное, словно вспышка молнии в ночном небе. Оно было настолько безумным, что на секунду я даже испугалась собственной смелости. Но другого выхода не было.

Я должна была стать мужчиной.

В чулане, куда слуги стаскивали старую одежду и ненужный хлам, я нашла то, что искала. Потёртые штаны, льняную рубаху и старый, грубый кафтан, который носил когда-то конюх. Грима у меня не было, но была сажа из камина и уголь. Я заперла дверь спальни изнутри и приступила к преобразению.

Это оказалось сложнее, чем я думала. Волосы пришлось спрятать под старую шапку, измазав лицо сажей до неузнаваемости. Я перетянула грудь плотной тканью, молясь, чтобы этого хватило. Когда я взглянула в зеркало, оттуда на меня смотрел худой, нескладный подросток или молодой слуга.

Сердце колотилось где-то в горле. Если меня узнают — это конец. Альберт придёт в ярость, и даже статус жены его не спасёт от его гнева за такую дерзость.

Я дождалась вечера, когда слуги собрались на кухне для ужина. Выскользнув из дома через чёрный ход, я направилась к конюшням. Там всегда нужны были лишние руки для

ухода за лошадьми и уборки.

Управляющий встретил меня у входа. Я старалась говорить как можно ниже и грубее:

— Слышал, вам нужны работники. Работы не боюсь.

Он окинул меня оценивающим взглядом с головы до ног.

— А ты кто такой? Откуда взялся?

— Путник я. Ищу работу и крышу над головой.

Управляющий хмыкнул и сплюнул на землю.

— Ну что ж, работы много. А крыша — это сеновал над конюшней. Будешь спать там. Зовут-то тебя как?

Я на секунду замешкалась. Какое мужское имя подойдёт?

— Андрей, — выпалила я первое пришедшее в голову.

— Хорошо, Андрей. Принимайся за дело. Начни с чистки стойла у вороного жеребца господина.

Так я стала слугой в собственном доме. Первые дни были сущим кошмаром. Руки, привыкшие только к ручке дорожной перьевой ручки и гладким страницам документов, покрылись мозолями и ссадинами от тяжёлой работы. Спина болела так, что хотелось выть. Но самое страшное было другое — постоянно быть рядом с детьми и мужем и делать вид, что я их не знаю.

Марк и Марина сразу обратили на меня внимание. Они часто прибегали на конюшню «посмотреть на нового мальчика». Я старалась держаться от них подальше, грубила и отворачивалась, чтобы они не увидели моих глаз и не узнали во мне свою мать. Это разрывало сердце на части.

А потом приехал Альберт.

Я чистила сбрую во дворе, когда услышала стук копыт и его властный голос. Я вжалась в стену конюшни, стараясь стать невидимой. Он спешил и бросил поводья конюху — то есть мне. Наши руки на мгновение соприкоснулись. Я замерла, боясь поднять глаза.

— Эй ты! — рявкнул он. — Отведи коня в стойло и хорошенько вычисти!

Я лишь кивнула и поспешила увести жеребца подальше от его взгляда. В тот момент я поняла: мой безумный план сработал. Он меня не узнал. Он видел перед собой лишь очередного безликого слугу.

Я осталась в этом доме под чужой личиной. Теперь мне предстояло выяснить его истинные намерения и найти способ защитить себя и детей изнутри этой золотой клетки. Это был опасный путь по лезвию ножа, но другого выбора у меня просто не осталось.

Глава 6. Под маской

Жизнь под маской слуги оказалась изматывающим спектаклем, где цена ошибки — разоблачение и гибель. Каждый день я вставала с первыми петухами, когда усадьба ещё спала, и до поздней ночи выполняла самую грязную работу: чистила стойла, таскала воду, убирала навоз. Мои руки, когда-то знавшие лишь прохладную гладкость бумаги и тяжесть дорогого кейса, теперь были в мозолях и ссадинах. Но физическая боль была ничем по сравнению с постоянным напряжением.

Альберт вернулся. Он был всё так же холоден и властен, но я начала замечать странности. Он больше не смотрел на меня как на пустое место. Когда я подавал ему поводья или чистил его сапоги, я чувствовала на себе его внимательный, изучающий взгляд. Он словно пытался что-то вспомнить, найти знакомую черту в лице этого нескладного юноши. Мои ладони потели от страха, но я опускала голову ниже и бормотала что-то неразборчивое, играя роль туповатого деревенского парня.

Настоящим испытанием были дети. Марк и Марина, словно чувствуя родную душу, тянулись ко мне с непреодолимой силой. Они постоянно крутились рядом. «Андрей, пойдём с нами к реке!», «Андрей, посмотри, какой замок я построил!». Каждый раз при звуке моего нового имени у меня сжи-

малось сердце.

Я старалась быть грубой и отстранённой.

— Отстаньте, мелочь! У меня работы много! — бурчала я, отворачиваясь и делая вид, что очень занята чисткой седла.

Но дети не обижались. Они воспринимали мою резкость как часть игры. Однажды Марина, самая настойчивая из них, подбежала ко мне, когда я несла тяжёлые вёдра с водой для лошадей.

— Андрей, а ты умеешь свистеть? — спросила она, заглядывая мне в глаза.

Я остановилась. В её взгляде было столько доверия и любопытства, что маска слуги на секунду дала трещину. Я вспомнила, как сама в детстве просила отца научить меня свистеть через два пальца. Я посмотрела по сторонам — никого не было рядом.

— Умею, — тихо сказала я, опуская вёдра на землю.

Я сложила пальцы и выдала залиvistую трель. Глаза девочки округлились от восторга.

— Научи меня! — потребовала она.

И я научила. Мы сидели на сеновале, солнце пробивалось сквозь щели в досках, и на эти десять минут я перестала быть ни Ангелиной, ни Андреем. Я была просто... мамой. Которая учит дочку свистеть.

Когда Альберт застал нас там, моё сердце ухнуло в пятки. Он стоял в дверях конюшни, скрестив руки на груди. Я вскочила на ноги, отряхивая солому с колен.

— Простите, господин! — выпалила я, низко кланяясь. — Я... я просто показывал детям фокус.

Он долго молчал, переводя взгляд с меня на детей и обратно. В его глазах не было гнева. Там было что-то другое... удивление? Замешательство?

— Станный ты слуга, Андрей, — наконец произнёс он медленно. — Грубишь управляющему, но возишься с моими детьми.

Я сжалась в комок, ожидая удара или приказа высечь меня плетью.

— Они... они не дают мне прохода, господин. Я просто хотел их отвлечь, чтобы они не мешали работать.

Альберт усмехнулся уголком губ. Это была не злая усмешка, а скорее задумчивая.

— Что ж... отвлёк. Молодец. Иди за мной. У меня есть для тебя поручение.

Я последовала за ним во двор, готовая ко всему. Он остановился и повернулся ко мне.

— Завтра я еду в соседнюю деревню по делам. Нужно отвезти письмо старосте. Справишься?

Это было неслыханно. Простому конюху доверяют почту? Это работа для личного гонца или управляющего!

— Конечно, господин! — выпалила я с излишним рвением.

Он протянул мне запечатанный свиток. Наши пальцы снова соприкоснулись. На этот раз он не отпустил мою руку сра-

зу. Его хватка была крепкой.

— И помойся сегодня хорошенько. От тебя несёт конюшной за версту.

Он ушёл, оставив меня стоять посреди двора с письмом в руке. Я смотрела ему вслед и понимала: ситуация изменилась. Он больше не игнорирует меня. Он присматривается. И тот факт, что он доверил мне поручение и даже сделал замечание о чистоте (словно заботливый хозяин о ценном работнике), говорил о многом.

Я начала ему нравиться? Или он всё-таки что-то подозревает?

Эта мысль пугала и одновременно странным образом грела душу. Я всё глубже увязала в паутине собственной лжи, но теперь у меня появился шанс быть ближе к нему не как к врагу или тирану, а как к человеку. Возможно, так я смогу понять его истинные мотивы и найти способ спасти нас всех от той участи, которую он нам уготовил.

Глава 7. Тайные чувства

Поручение Альберта стало поворотной точкой. Поездка в деревню прошла без происшествий, а по возвращении я заметила, что отношение хозяина ко мне изменилось. Он больше не смотрел сквозь меня. Его взгляд стал цепким, внимательным, и в нём всё чаще проскальзывало что-то похожее на одобрение. Я стала его доверенным слугой. Он поручал мне личные дела: привести коня, почистить оружие, отнести срочное письмо. Я старалась выполнять всё безупречно, ловя каждый его жест и слово.

Это было опасно. С каждым днём маска «Андрея» прирастала к коже, но вместе с ней росло и другое, совершенно иррациональное чувство. Я начала смотреть на Альберта другими глазами. Не как на врага, который хочет разрушить мою жизнь, а как на мужчину.

Это открытие стало для меня шоком, от которого бросало в холодный пот.

Я ловила себя на том, что украдкой наблюдаю за ним, когда он не видит. Как он сидит в кресле у камина, задумчиво глядя на огонь. Как его сильные руки уверенно держат поводья. Как он смеётся над какой-то шуткой управляющего — редко, скупно, но этот звук заставлял моё сердце пропускать удар. Я помнила его холодность и жестокость по отношению к Ангелине, но здесь, в роли слуги, я видела другую его сто-

рону: решительного хозяина, справедливого (хоть и строгого) господина и усталого человека.

Это пугало меня до дрожи. Как я могла влюбиться в собственного мужа? В человека из другой эпохи, который считает меня предательницей и хочет избавиться? Это было предательством по отношению к себе самой, к той женщине-юристу, которой я была.

— Ты сегодня сама не своя, — заметила кухарка Марфа, ставя передо мной миску с похлёбкой на кухне. Мы были одни, и она говорила со мной по-матерински строго. — Ходишь как в воду опущенная.

— Просто устал, — буркнула я, уткнувшись в миску.

— Не от работы ты устала, — проницательно заметила она. — Душа у тебя болит. Я же вижу, как ты на него смотришь.

Я замерла с ложкой в руке.

— На кого?

Марфа усмехнулась и присела рядом на лавку.

— На хозяина, на кого ж ещё? Все девки в усадьбе по нему сохнут. Да только он как скала — холодный, неприступный. А ты... ты не девка. Ты парень. А смотришь так же.

Я почувствовала, как краска заливает лицо под слоем сажи и загара.

— Глупости говоришь, тётка Марфа.

— Может, и глупости, — вздохнула она и похлопала меня по плечу. — А может, и нет. Ты хороший парень, Андрей.

Честный. Жаль только, что судьба у тебя незавидная.

Разговор с кухаркой выбил меня из колеи. Я убежала на конюшню и до поздней ночи чистила уже и без того идеально вычищенные стойла, пытаюсь физической усталостью заглушить душевную смуту.

А потом случился тот вечер.

Шёл сильный дождь, настоящий ливень. Я возвращался из амбара, куда относил мешки с зерлом. Путь к конюшне лежал через внутренний двор. Я уже почти добежал до спасительной крыши, когда нога поскользнулась на мокрой глине.

Я упала тяжело, больно ударившись коленом о камень. Миска с ужином выпала из рук и покатилась по грязи.

— Чёрт! — вырвалось у меня сквозь зубы от боли и досады.

Вдруг рядом выросла высокая тень. Альберт. Он вышел из дома без плаща и мгновенно промок до нитки.

— Ты что здесь делаешь? — его голос был резким.

Я попыталась встать, но колено пронзила острая боль.

— Всё в порядке... господин... я просто...

Он не стал слушать оправданий. Одним движением он поднял меня на ноги. Его руки были сильными и горячими даже сквозь мокрую ткань моей рубахи. Он придерживал меня за плечи, глядя прямо в глаза. В тусклом свете фонаря над крыльцом его лицо казалось высеченным из камня.

Мы стояли так близко, что я чувствовала запах дождя от его волос и кожи. Мир вокруг перестал существовать: ни до-

жда, ни ветра, ни усадьбы. Только он и я под маской другого человека.

Он медленно убрал руки.

— Иди переоденься в сухое и обработай рану. Не хватало ещё, чтобы мой лучший работник слёг с горячкой.

Он развернулся и ушёл в дом, оставив меня стоять под ливнем одну. Но я уже не чувствовала холода. Меня трясло изнутри от осознания: я пропала. Я влюбилась в него окончательно и бесповоротно именно тогда, когда должна была его ненавидеть и бояться.

Вернувшись в свою каморку на сеновале, я долго смотрела в темноту. Я была Ангелиной для детей, Андреем для слуг и хозяина, но кто же я для себя самой? Женщина из будущего? Беглянка в прошлом? Или просто глупая душа, запутавшаяся между двух жизней?

Ответа не было. Была только боль в колене и щемящая нежность к человеку, который никогда не должен был стать моим героем.

Глава 8. Беременность под угрозой

Время в усадьбе текло своим чередом, подчиняясь смене сезонов и распорядку дня. Для всех я была Андреем — молчаливым, исполнительным слугой, который заслужил особое расположение хозяина. Но внутри меня росла тайна, которая с каждым днём становилась всё более очевидной и опасной. Мой живот, который я так старательно перетягивала, начал округляться, и никакая мешковатая одежда уже не могла этого скрыть.

Страх стал моим постоянным спутником. Я просыпалась с ним и засыпала, чувствуя его металлический привкус во рту. Любой неосторожный взгляд, случайное прикосновение к пояснице, когда я наклонялась, могли меня выдать. Я старалась не попадаться на глаза Альберту без лишней необходимости, пряталась в дальних углах конюшни или уходила в лес за хворостом, лишь бы избежать его внимательного взгляда.

Однажды утром всё изменилось.

Я несла два тяжёлых ведра с водой от колодца к конюшне. Живот уже заметно мешал, и я придерживала его свободной рукой, стараясь идти прямо. День был солнечным, и я расслабилась на секунду, позволив себе вдохнуть свежий воздух. В этот момент дверь хозяйского дома распахнулась, и на крыльцо вышел Альберт. Он разговаривал с управляющим,

но, увидев меня, резко замолчал и сделал шаг вперёд.

— Андрей! — его голос прозвучал как удар хлыста.

Я вздрогнула, ведра качнулись, и холодная вода выплеснулась мне на ноги. Я замерла, опустив голову.

— Да, господин?

Он быстро спустился по ступеням и подошёл ко мне. Я чувствовала его присутствие каждой клеточкой тела. Он остановился так близко, что я видела капли дождя на его сапогах.

— Что с тобой? — спросил он тихо, но в его тоне слышалась сталь.

— Ничего, господин. Просто вода тяжёлая.

Он протянул руку и, прежде чем я успела отшатнуться, положил ладонь мне на поясницу. Это было не властное прикосновение хозяина к слуге. Это было что-то другое — осторожное, изучающее. Его пальцы нащупали то, что я так отчаянно пыталась спрятать. Округлость под грубой тканью рубахи.

Мир остановился. Сердце ухнуло куда-то вниз. Я подняла на него глаза, готовая к самому худшему — к гневу, к презрению, к немедленному разоблачению. Но в его серых глазах я увидела не ярость. Там было замешательство и... странная догадка.

Он резко убрал руку.

— Иди работай, — бросил он сухо и, не оглядываясь, пошёл обратно к дому.

Я стояла как вкопанная, пока слёзы не обожгли глаза. Он знает. Или почти знает. И теперь он будет следить за мной ещё пристальнее.

В тот же день я приняла решение. Я больше не могла прятаться. Рано или поздно моя тайна раскроется самым унижительным образом. Мне нужно было действовать на опережение.

Вечером я нашла Марфу на кухне. Она месила тесто для хлеба.

— Тётка Марфа... мне нужно с тобой поговорить.

Она вытерла руки о передник и посмотрела на меня с тревогой.

— Что случилось? На тебе лица нет.

Я оглянулась на дверь и понизила голос до шёпота:

— Я... я не тот, за кого себя выдаю.

Марфа нахмурилась.

— Это я и так вижу. Ты не простой деревенский парень. Ты грамотный слишком для слуги, да и манеры у тебя не те.

— Дело не в этом... — я замолчала, собираясь с духом. — Я... женщина.

Марфа замерла с открытым ртом. Тяжёлая скалка выпала из её рук и с грохотом покатилась по полу.

— Ты что несёшь? — прошептала она, крестясь.

— Это правда. Я переоделась, чтобы спастись. И... — я судорожно вздохнула и положила руку на живот, — ...я жду ребёнка.

Кухарка медленно опустила на лавку.

— Господи помилуй... Чей же это ребёнок?

Я посмотрела ей прямо в глаза:

— Хозяина.

Марфа закрыла лицо руками и долго молчала. Я думала, она сейчас закричит, позовёт стражу или управляющего. Но когда она убрала руки от лица, в её глазах была не злость, а бесконечная усталость и жалость.

— Бедная ты моя... — прошептала она. — В какую же беду ты вляпалась...

Она встала и подошла к шкафу с травами.

— Снимай свой балахон. Надо тебя осмотреть. И рассказывай всё по порядку. Только тихо.

В тот вечер на кухне мы проговорили до глубокой ночи. Я рассказала ей всё — про две жизни, про страх перед мужем, про любовь к детям. Она слушала молча, лишь изредка качая головой и заваривая успокаивающие травы.

— Значит так, — сказала она наконец строгим тоном. — Живот твой скоро станет виден всем. В усадьбе начнутся пересуды. Хозяин узнает правду от слуг ещё до зимы. А это верная погибель для тебя и дитя.

— Что же мне делать? — голос мой дрожал.

Марфа посмотрела на меня твёрдо:

— Тебе нужно уехать отсюда раньше, чем всё вскрыется. Есть одно место... монастырь святой Елены на севере отсюда. Там настоятельница — моя старая подруга. Она прини-

мает таких... несчастных женщин. Не для пострига насовсем, а чтобы переждать беду в безопасности. Там тебя никто не найдёт.

Это был выход. Шанс спастись самой и спасти ребёнка от гнева Альберта или позора развода. Но это означало оставить Марка и Марину навсегда.

Я смотрела на огонь в очаге и понимала: выбор придётся сделать очень скоро. Либо бегство в неизвестность ради жизни ребёнка, либо риск остаться здесь ради любви к мужу и детям, рискуя потерять всё сразу при разоблачении.

Глава 9. Новая усадьба

Решение пришло не от меня. Оно обрушилось на мою голову, как снег на голову, в один из тех редких вечеров, когда Альберт решил поужинать в большом зале, а не у себя в кабинете. Я прислуживала за столом, стараясь быть невидимкой, когда услышала разговор, который изменил всё.

Альберт говорил с управляющим. Его голос был спокоен, но в нём звенела сталь.

— Я уезжаю в столицу на неопределённый срок. Возможно, на месяц. Возможно, дольше.

Управляющий подобострастно закивал.

— Да, господин. Всё будет исполнено. А... госпожа Ангелина?

Я замерла, превратившись в слух.

— Госпожа Ангелина и дети поедут в усадьбу на Северном тракте. Немедленно. Сегодня же.

У меня внутри всё похолодело. Северный тракт? Это была та самая дальняя усадьба, о которой говорила Марфа как о возможном пути к бегству. Но сейчас это был приказ мужа, и он не сулил ничего хорошего.

— Слушаюсь, господин, — управляющий поклонился. — А вы... вы не боитесь, что она сбежит?

Альберт медленно повернул голову и посмотрел прямо на меня. Я стояла, опустив глаза, но чувствовала его взгляд ко-

жей.

— Она не сбежит. Она слишком умна для этого. А если и попытается... её найдут. Я хочу, чтобы она была подальше от столицы и от чужих глаз. Проследи, чтобы всё было готово к утру.

Приказ был отдан. Моё сердце билось где-то в горле. С одной стороны, это был шанс. Шанс оказаться вдали от его постоянного надзора, от пронизательных глаз слуг, шанс подготовить побег к монастырю святой Елены. С другой — это была ссылка. Он отправлял меня с глаз долой, словно надоевшую вещь, которую нужно убрать в дальний сундук.

Утро выдалось суматошным. Слуги грузили сундуки, кухарка собирала провизию в дорогу. Дети были возбуждены предстоящим путешествием, они прыгали вокруг меня, дёргая за полы кафтана «Андрея».

— Андрей, а мы поедem на лошадках? — спрашивала Марина.

— А там будет река? — вторил ей Марк.

Я механически кивала, глядя их по головам, а внутри всё сжималось от тоски. Я не могла сказать им правду. Не могла обнять их как мать при всех.

Альберт вышел проводить нас. Он был одет в дорожный плащ, за поясом висел меч. Он выглядел как человек, отправляющийся на войну, а не в деловую поездку.

— Управляющий поедет с вами и останется там за старшего, — сухо проинструктировал он. — Ты, Андрей, будешь

присматривать за лошадьми и охраной в пути.

Он говорил со мной как со слугой, но его взгляд задержался на моём лице чуть дольше обычного. В нём читалась странная смесь решимости и... сожаления? Я не могла понять.

Дорога до новой усадьбы заняла два дня. Место оказалось уединённым: каменный дом на холме, окружённый густым лесом и полями. Управляющий быстро взял всё в свои руки, распределив обязанности между немногочисленной прислугой.

Вечером того же дня я решилась. Это был идеальный момент для преображения. Я дождалась, пока управляющий уйдёт проверять посты, а дети уснут после долгой дороги. В своей маленькой комнате я сняла ненавистный мужской наряд и надела одно из платьев Ангелины, которое чудом уцелело среди вещей.

Посмотрев на себя в маленькое зеркало, я увидела не Андрея и даже не юриста из будущего. Я увидела женщину — уставшую, но полную решимости. Я распустила волосы и сказала слугам, которые с удивлением косились на «нового работника», что теперь буду следить за детьми лично, так как «генерал» (я намеренно использовала это слово для авторитета) отправил меня вместо парня присматривать за хозяйскими отпрысками.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.